

С. Б. Никонова¹

МИСТИЧЕСКИЙ «ЧУЖОЙ» ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Разделение на «свое» и «чужое» для человеческого сознания можно назвать базовым. Оно составляет основание возможности самоидентификации: актом подобного разделения мое «я» приобретает оформленность. Но тем же актом оно обретает и смертность. Потому древнекитайские даосы возможность преодоления смертности видели в устранении границ и различий, а греческий философ Анаксимандр говорил о виновности рождения и бесчинстве, осуществляемом распавшимися вещами друг по отношению друг. Однако без этого разделения невозможен бы был и упорядоченный, постижимый мир форм.

Но здесь мы сталкиваемся уже с высокой степенью осмысления состояния разделенности. На более изначальном уровне оно явлено в упорядочивающем архаический социум противопоставлении дружеского и вражеского, благоприятного и вредоносного, собственного и чуждого. На этом основании проводятся разграничения в обществе, устанавливаются границы. И как разнородны пространства земли, так разнородными оказываются и человеческие установления. То, что побуждает их к борьбе между собой, к неприятию друг друга, является и основанием их пестрого многообразия, или, пользуясь словами К. Леонтьева, «цветущей сложности» культуры, которая и есть ее пиковая стадия, свидетельство интенсивности ее развития. Источник кровавой распри — он же источник гармонии и красоты.

Но откуда берется взгляд, способный воспринимать многообразие различий как красоту и даже требовать ее? Откуда берется взгляд, не только отторгающий «чужое», незнакомое, но заинтересованный в нем, готовый признать и осмыслить его возможность, найти в нем экзотическую привлекательность? Это взгляд гуманиста, приветствующего многообразие, взгляд герменевта, вживающегося в иное, чтобы понять его, и это же взгляд эстета, отстраненно оценивающего представляющие перед ним объекты, взгляд ученого, классифицирующего формы человеческой жизни.

Осознанной эта тенденция становится в конце XIX века. Она осмысливается философией жизни и становится основой для формирования гуманитарных наук. Она противоречива: гуманистична и нигилистична одновременно. Новый взгляд заинтересован в «чужом», а не только в «своем», потому что для него «свое», родное, особое, уже не так уж живо, а потому не так уж значимо. Ученый не умирает за собственную веру, но обладает всеобщим знанием — как К. Ясперс ярко показал в работе «Философская вера» на примере различия между позициями Бруно и Галилея. Хотя речь

здесь идет о становлении естественно-научного знания, этот переход раскрывает суть происходящего процесса.

Развитие естественно-научного знания подогрелось живым и страстным интересом к «своему»: к своему благу, своему могуществу, к могуществу и процветанию своего государства, потому развитие науки было прочно связано с потребностями войны, во многом нацелено не на абстрактный поиск, а на изобретение оружия. Но на этом пути совершается существенный переворот во всем мировосприятии, который К. Шмитт неслучайно назвал «революцией пространства».

«Революция пространства» делает пространство однородным, лишенным ценностных различий. Это пространство классической физики: абсолютноеместище, в котором действует единый универсальный закон. Это глобальное пространство мировой торговли. Это пространство перспективистской живописи, подчиненное лишь перемещению взгляда субъекта. Это равно священное и равно профанное пространство лютеранской веры, для которой нет такого места, которое было бы чуждым Богу и не предназначенным для молитвы, но в котором собственная вера молящегося есть тайна, недоступная никаким выражениям, никаким пространственным образам. В равномерном и равно объективном механическом пространстве субъект проскальзывает как упорядочивающий его подвижный центр, как корабль по текучей равномерности моря. Потому этот переход Шмитт связывает с преобладанием морских цивилизаций над сухопутными. Морская цивилизация — это цивилизация пиратов, захватчиков, для которых вся суша есть лишь еще не покоренная территория, и также цивилизация опытных торговцев, для которых все сухопутные различия есть возможный для обмена товар. Все есть условие для роста капитала как единого эквивалента любых предметов, различающихся между собой. Потому «революция пространства» есть начало капитализма, уравнивающего и демократизирующего все, устраняющего все иерархии, истребляющего все сословия.

«Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль», — пишут в своем знаменитом «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс. И далее рисуют потрясающую картину деяний буржуазии: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем». А также упоминается и нечто не связанное, казалось бы, напрямую, с этим экономическим процессом: «Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук. Автор 75 научных публикаций, в т. ч.: «Реализация виртуального в аудиовизуальном пространстве новых медиа», «Глобализация—образование—искусство: к проблеме сохранения гуманитарных знаний в контексте универсализации культуры», «Логические основания толерантности», «Нарратив: описание истории или самосознание историка?», «К проблеме кризиса и трансформации в современной культуре: варианты теоретического осмысления» и др.; монографии «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление».

и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература».

Единое пространство ценностей, единая человеческая культура формируются по той же схеме, что и единое экономическое пространство. Они формируются за счет того, что в этом пространстве не остается ничего «чужого», а различие может представлять собой лишь эстетический интерес. Потому ученый-гуманитарий, живающийся в «чужое», продолжает ту же линию, что и ученый-естественник, универсализирующий пространство для власти субъекта, и торговец-буржуа, превращающий все многообразие в товар.

Однако это стирание различия своего и чужого позволяет проявиться и дойти до осознанности фундаментальной структуры мышления: первичному акту отделения. Акт отделения вводит в мир разрывы, пустоты, он выделяет бытие на фоне небытия. Потому в начале XX века М. Хайдеггер может сказать, что основным метафизическим вопросом является вопрос о Ничто. В самой способности мыслить, сознавать себя, быть субъектом скрыто Ничто. Ничто разрывает сущее, и в разрывы проглядывает пугающая тайна мира — то абсолютно Иное, по сравнению с чем все сущее есть свое, понятное, близкое и по сравнению с чем все сущее безразлично и ничтожно мало.

В условиях экзистенциального сосредоточения на сознании субъекта, для которого все равно интересно и в то же время равно безразлично, «чужое» являет себя в новой форме. Это форма абсолютной инаковости, мистической опасности, абсолютного превосходства или абсолютного зла.

Вопреки распространенному мнению кажется возможным утверждать: художественные образы монстров не являются выражением скрытого страха перед чужими людьми, представителями враждебных классов, чужих культур. Напротив, страх перед чужеродными элементами, чужими классами и чужими культурами, как и страх перед монстрами из книг и фильмов, — это персонификация мистического ужаса перед Ничто. Этот ужас проявляет себя тем навязчивее, чем мир становится однороднее, глобальнее и чем субъект в большей мере осознает себя властвующим центром этого мира.

Так, в романе Г. Мелвилла моряку-китобою, бороздящему океаны уже не в поисках новой земли, не с целью налаживания торговли, и тем более не с той

утилитарной целью, для коей предназначено китобойное судно, этому пирату-захватчику, каковым оказался новоевропейский субъект, одержимому уже не идеей прогресса, но непрерывной бесконечностью трансгрессии, выхода за пределы самого себя в то Ничто, которое дает ему быть собою, никогда с собою не совпадая, лишая покоя, заставляя продвигаться все дальше, куда он не подвергнется самораспаду, противостоит лишь невыносимое морское чудовище — Белый кит: нечеловеческое, неведомое, равнодушно увлекающее жаждающего его покорить преследователя в пучину. Ибо что угодно из сущего может быть покоренным, но не утолит жажды субъекта, но то, перед чем все сущее становится ничтожным, есть само уничтожающее субъекта Ничто.

Интересно изменение, которое претерпевает отношение к этим монструозным образам в современном мире. Вселяющее ужас, тревожащее в качестве абсолютно иного, подлинно чуждого постепенно становится все более соблазнительным, преодолевая однообразную плоскость глобального пространства. Но в попытке как-то приблизить его, дотронуться до него, оно принижается и опошляется. Не только Мировой океан со всеми его тайнами, но даже космическое пространство оказывается зоной использования и развлечения, связанного с потрясающим азартом, вызываемым чуждостью и опасностью, но вероятность этой опасности контролируется множеством агентств и социальных служб, чтобы если не исключить, то смягчить последствия риска. Но по мере того как образы ужаса одомашниваются средствами массовой медиа, страх перед абсолютно чужим становится все неопределеннее, рассеивается кругом — от бытового мистицизма до параноидального опасения перед незнакомцем на улице, так что почти все неизвестное, с чем можно столкнуться в жизни, становится потенциально ужасным. В мире, где нет чужих, чужим является все. И только погружение в окончательную имманентность, которая вовсе устранила бы сознание, могло бы остановить этот нарастающий процесс. Или же установление новых границ своего и чужого — как в первобытном мире. Или же удержание себя в сознании Ничто — в ожидании Кита, который для некоего искателя, отклонившегося в своих странствиях от всех известных науке и бизнесу магистралей, белой тенью восстанет из неведомой глубины.